

Данькова Татьяна Николаевна

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКЕ ДОНАУЧНЫХ ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ АГРОНОМИИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ АГРАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье анализируется один из важнейших процессов формирования сельскохозяйственной терминологии русского языка - изменения в плане содержания словесных знаков аграрной тематики. Автор исследует особенности развития новых сельскохозяйственных значений в семантической структуре лексических единиц, употреблявшихся в донаучные периоды истории русского языка (древнерусский и великорусский), и делает вывод о том, что сформировавшиеся в указанные периоды сельскохозяйственные лексико-семантические варианты на этапе становления агрономической науки в России (конец XVIII - XIX в.) переходили в разряд терминологических значений и получали лексикографическую фиксацию в специальных сельскохозяйственных словарях XIX - начала XX столетия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 105-109. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 581.8(081)

В статье анализируется один из важнейших процессов формирования сельскохозяйственной терминологии русского языка – изменения в плане содержания словесных знаков аграрной тематики. Автор исследует особенности развития новых сельскохозяйственных значений в семантической структуре лексических единиц, употреблявшихся в донаучные периоды истории русского языка (древнерусский и великорусский), и делает вывод о том, что сформировавшиеся в указанные периоды сельскохозяйственные лексико-семантические варианты на этапе становления агрономической науки в России (конец XVIII – XIX в.) переходили в разряд терминологических значений и получали лексикографическую фиксацию в специальных сельскохозяйственных словарях XIX – начала XX столетия.

Ключевые слова и фразы: сельскохозяйственная лексика; семантическая структура; прототермин; донаучные периоды; древнерусский период; великорусский период.

Данькова Татьяна Николаевна, д. филол. н., доцент
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
t_dankova@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКЕ ДОНАУЧНЫХ ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ АГРОНОМИИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ АГРАРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Изучение вопросов, связанных с особенностями формирования терминологической лексики русского языка, издавна находится в поле зрения исследователей. Анализ многочисленных работ, посвященных рассматриваемому вопросу, свидетельствует о том, что формирование каждой терминосистемы имеет длительную историю, в которой отражается специфика становления и развития русского языка разных эпох под влиянием внутренних и внешних факторов [7, с. 36-57]. Следует отметить, что неослабевающее внимание к диахронии обозначений специальных понятий вызвано, прежде всего, практическими задачами упорядочения русских терминологических номинаций.

Как показали проведенные исследования, для формирования русской сельскохозяйственной терминологии большое значение имели донаучные периоды в истории агрономии и русского языка: праславянский (IV-III тысячелетия до н.э. – VI-VII вв. н.э.), древнерусский (VI-VII – XIV вв.) и великорусский (XIV-XV – XVII вв.) [Там же, с. 58].

Праславянский период характеризовался появлением в языке древних славян лексических единиц (прототерминов), которые в дальнейшем в значительной степени повлияли на становление русской терминологии сельского хозяйства (ср.: прототермины – специальные лексемы, применявшиеся в донаучные периоды развития специальных знаний и называющие не понятия, поскольку они возникают с появлением науки, а специальные представления) [5, с. 44; 7, с. 29-30].

Анализ исторических и этимологических словарей русского языка позволяет утверждать, что прототермины сельскохозяйственной сферы, обозначавшие, прежде всего, реалии земледелия, были широко представлены в праславянском языке и номинировали земельные угодья (напр., *поле* < **polje* [22, т. 2, с. 51], *нива* < **niva* [24, вып. 25, с. 134] и др.), сельскохозяйственные орудия (напр., *коса* < **kosa* [Там же, вып. 11, с. 133], *плуг* < **plugъ* [22, т. 2, с. 44], *соха* < **socha* [Там же, с. 190], *вилы* < **vidla* (**vidlo*) [Там же, т. 1, с. 151] и др.), приемы обработки почвы (напр., *пахать* < **pachati* [Там же, т. 2, с. 14], *копать* < **kopati* [24, вып. 11, с. 18] и др.), приемы возделывания сельскохозяйственных культур (напр., *садить* < **saditi*: **sadjati* [22, т. 2, с. 135], *сеять* < **sěti*: **sējati* [Там же, с. 160] и др.), способы уборки урожая, его обработки и хранения (напр., *жатва* < **žetva* [Там же, т. 1, с. 292], *гумно* < **gumno* [24, вып. 7, с. 173], *молотья* < **molt'ya* [Там же, вып. 19, с. 200] и др.), зерновые культуры (напр., *яровой (хлеб)* < **jarovъ(jъ)* [Там же, вып. 8, с. 177], *пшеница* < **рьšenica* [22, т. 2, с. 87], *рожь* < **rъžь* [Там же, с. 120] и др.), плодовые и ягодные растения (напр., *яблоня* < **jabol-n-ь* (< **abol-n-ь*) [24, вып. 1, с. 42], *груша* < **gruša* [Там же, вып. 7, с. 156], *малина* < **malina* [Там же, вып. 17, с. 158] и др.), овощные растения (напр., *морковь* < **mrъku* [Там же, вып. 20, с. 247], *лук* < **lukъ* [22, т. 1, с. 494] и др.), части растений (напр., *семя* < **sěmę* [Там же, т. 2, с. 154], *зерно* < **zъrno* [Там же, т. 1, с. 324], *колос* < **kolsъ* [24, вып. 10, с. 152] и др.) и т.д.

Как отмечается в специальных лингвистических исследованиях, лексемы, появившиеся в донаучные периоды истории русского языка, являются свидетельством первоначального существования специальных навыков и представлений как части общечеловеческих знаний. По словам В. В. Виноградова, «всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка» [4, с. 164].

Многие словесные единицы сельскохозяйственной тематики, употреблявшиеся в праславянском языке, впоследствии перешли в разряд терминов аграрной сферы (ср.: *поле* [18, с. 206], *пшеница* [Там же, с. 228], *зерно* [Там же, с. 90], *плуг* [Там же, с. 202], *вилы* [Там же, с. 38] др.). Сказанное подтверждает существующее в отечественной лингвистике представление о том, что в процессе формирования научных дисциплин часть устойчиво закрепившихся в специальной речи прототерминов включается в научную терминологию, а остальные существуют либо в виде общеупотребительной лексики предметных областей, в которых еще не сформировались научно-теоретические основы, либо функционируют в виде так называемых народных

терминологий, используемых наряду с научной лексикой [5, с. 44, 182, 183]. В современных науках специальные номинации, сформировавшиеся на основе прототерминов, составляют самый древний пласт и, как правило, являются тематически связанными с природой, животным и растительным миром. Развитие значений словесных единиц, возникших в донаучные периоды, совершалось постепенно, по мере обогащения человека опытом и формирования у него специальных представлений, а затем научных понятий [Там же, с. 125].

Следует отметить, что переосмысление общелитературной лексики является исконным процессом в формировании русской терминологии [6, с. 23, 26-27; 13, с. 6-7]. Как показал анализ, лексико-семантический способ образования словесных единиц сельскохозяйственной тематики был достаточно ярко представлен в восточнославянском языке. Древнерусский период (VI-VII – XIV вв.) характеризовался весьма значительным разнообразием аграрной лексики по сравнению с языком праславянского периода [7, с. 76]. Широкая представленность сельскохозяйственных слов в древнерусском языке, очевидно, объясняется большими переменами в хозяйственной, культурной, военной деятельности общества восточных славян с VI-VII столетий по XIII-XIV вв., которые «не могли не обогатить в очень значительной степени словарный состав древнерусского языка» [21, с. 16; 23, с. 114-121].

Изменения в плане содержания словесных знаков сельскохозяйственной тематики в восточнославянском языке чаще всего затрагивали семантическую структуру слова в целом и были связаны с возникновением у лексических единиц новых значений. Некоторые слова сельскохозяйственной тематики, восходящие к праславянскому периоду, в древнерусском языке были полностью переосмыслены, что объясняется, прежде всего, интенсивным развитием сельского хозяйства в рассматриваемое время [7, с. 71-76]. Например, лексема *нива* < **niva*, обозначающая в общеславянском языке «низину», «низменность», «поемный луг» [22, т. 1, с. 571], получила в восточнославянском языке новое, сельскохозяйственное, значение: «поле, обработанное под пашню» [17, т. 2, с. 445]. Слово *гумно* < **gumno* вместо первичного древнего значения «место, прямое, вытопанное крупным рогатым скотом» [22, т. 1, с. 227] в языке восточных славян приобрело новое смысловое содержание, связанное с сельским хозяйством – «крытое помещение для сжатого хлеба» [16, вып. 4, с. 158].

Одной из отличительных особенностей семантических изменений словесных знаков сельскохозяйственной тематики в древнерусском языке является развитие полисемии. Так, например, лексическая единица *поле* обозначала «открытое место, поляну, луг», «степь», «жителей степи», «сад», «поле битвы», «судебный поединок», а также имела лексико-семантический вариант, относящий указанную лексему к аграрной сфере, – «обрабатываемые поле, нива, пашня» [17, т. 2, с. 1125].

По наблюдениям исследователей, причины полисемантности сельскохозяйственных словесных единиц древнерусского языка были различными. В первую очередь, большую роль в появлении многозначных слов в рассматриваемый период играл перенос значений прототерминов, обозначавших земельные площади, на номинации различных окладных или податных единиц [7, с. 82-83]. Например, слово *рало* (*орало*) обозначало не только «земледельческое орудие», но и «окладную единицу» [8, с. 296]. Словесная единица *закос* номинировала «угодьё, сенокосный участок», а также «трудовую и натуральную повинность крестьян, иногда переводимую на деньги» [Там же, с. 120] и т.д.

Еще одной причиной многозначности лексем аграрной сферы в восточнославянском языке являлся перенос лексических значений слов, представляющих собой названия сельскохозяйственных орудий, на словесные обозначения межевых знаков. Ср.: *вилы* – «сельскохозяйственное орудие», «изображение на бортом знамени» [Там же, с. 46]; *коса* – «орудие труда», «знамя на борти» [Там же, с. 158] и т.д.

Развитие новых значений в семантической структуре слов сельскохозяйственной тематики, связанных с важными для рассматриваемого времени понятиями (окладными и податными единицами, способами установления границ между сельскохозяйственными участками и т.д.), было тесным образом связано с возникновением у восточных славян частной земельной собственности в период существования древнерусского государства и формированием на Руси рассматриваемого времени феодальных отношений.

В великорусский период истории России и русского языка (XIV-XV – XVII вв.) был продолжен процесс семантического развития специальных сельскохозяйственных наименований, возникших в праславянский и древнерусский периоды. Как показали проведенные исследования, в языке великорусской народности было также весьма ярко представлено явление полисемии. Исследователи лексики русского языка периода существования Московского государства отмечали, что «полисемантность слов в эту эпоху значительно более обычна, чем в нашу: одному многозначному слову XV-XVII вв. у нас соответствует несколько слов» [10, с. 52]. Так, например, более двух лексических значений в старорусском языке имели такие прототермины сельскохозяйственной сферы, как *сеяние* (ср.: «сев», «засеивание, засеивание», «посевы, засеянное поле», «просеивание (через сито, решето)» [16, вып. 24, с. 113]), *сад* (ср.: «растение, дерево», «деревья, насаждения», «насаждения ягодных кустарников», «роща», «трава, луг» [Там же, вып. 23, с. 12]), *семя* (ср.: «семя растений», «семена растений, употребляемые в пищу», «зерно, предназначенное для посева», «конопля, конопляное семя» [Там же, вып. 24, с. 60]) и др.

В научных исследованиях, посвященных великорусскому периоду, отмечается «факт массовых семантических приращений, т.е. возникновения новых значений разных слов и их переосмыслений... Развитие лексической семантики значительно обогатило язык великорусского народа. Дело не только в приросте слов как таковых... но и в новых значениях старых слов. Познание мира и самих себя у великорусов значительно расширяется. Способы семантического словообразования были очень различными... Вместе с прогрессом общества происходит прогресс лексической семантики...» [20, с. 20].

Анализ лексики, употреблявшейся в языке великорусской народности, позволяет утверждать, что новые смысловые приращения в семантической структуре сельскохозяйственных номинаций изучаемого периода реализовывались как дополнительные оттенки значения и как новые ЛСВ значения, отдельные из которых

впоследствии могли полностью заменить старые значения прототермина. Так, например, прототермин *жатва* в рассматриваемый период истории русского языка в некоторых памятниках великорусской письменности развил значение «время жатвы» (ср.: «*Мразь побѣ обилье в жатву уже во всей Новгородской области*»), а также значение «урожай» (ср.: «*Люди с поля жатву свозят, млачениемъ житю грозятъ*») [16, вып. 5, с. 76]. Прототермин *сенокос* употреблялся не только в значении «косьба травы на сено» (ср.: «*Вышло на сенокосъ и на жнитву в мнстръ... 35 рублевъ*»), но и в значении «время заготовки сена, пора сенокоса» (ср.: «*На лѣте было дождиво в сенокосъ и в жатву*») [Там же, вып. 24, с. 70].

Яркими примерами изменения значений прототерминов сельскохозяйственной тематики могут служить специальные слова *соха* и *десятина*. Например, лексема *соха*, известная в русском языке с XI в., ранее обозначала «кол», «дубину», «подпорку», «колодку» и только с XV в. приобрела лексико-семантический вариант, относящий рассматриваемое слово к сельскохозяйственной сфере, – «орудие пахоты» [22, т. 2, с. 190]. Лексическая единица *десятина* в письменных памятниках XI в. имела значение «десятая доля чего-либо» (ср. в Лаврентьевской летописи: «*Даю цркви сеи... от имѣния моего и от градъ моихъ десятую часть... и власть десятину Настасу Корсунянину*») [16, вып. 4, с. 234]). В период образования Московского государства в семантике названного слова появились новые ЛСВ: «побор, налог, составляющий десятую часть чего-л.»; «единица измерения земельной площади»; «участок земли, равный этой единице»; «тягловый, обложенный податью участок земли» [Там же].

В рассматриваемое время некоторые лексические единицы, обозначавшие различные сельскохозяйственные реалии (земельные участки, орудия труда, хозяйственные постройки и т.п.), так же, как и в древнерусский период, получили дополнительные лексические значения «единица обложения» или «единица измерения». Например, словесная единица *нива* к существовавшему значению «поле, обработанное для посева или засеянное; пашня» присоединила лексико-семантический вариант «единица площади пахотной земли, величиной в десятину и более» [Там же, вып. 11, с. 364]. Слово *деревня*, имевшее ранее значения «поселение в один или несколько дворов с прилегающими к нему угодьями», «расчищенное под пахоту место, пашня, угодье» [Там же, вып. 4, с. 221], в языке великорусской народности получило семантическое приращение «окладная единица» [9, с. 443]. Лексема *овин* стала обозначать не только «хозяйственную постройку», но и «счетную единицу сжатых, но необмолоченных хлебов» [Там же, с. 449]. Подобные изменения в плане содержания словесных знаков сельскохозяйственной тематики в старорусском языке так же, как и в языке древнерусского периода, чаще всего были связаны с развитием частной собственности. Как отмечается в научной литературе, во время существования Московского государства происходило «переосмысление старых терминов в нуждах мышления феодального строя... Термины, обозначавшие общину... коллектив в целом, начинают обозначать уже меры измерения, податные единицы...» [19, с. 62]. В дальнейшем, после прекращения существования на Руси феодального строя, в семантической структуре рассмотренных выше лексических единиц сохранились только значения, связанные с реалиями аграрной сферы [7, с. 101-146].

Проведенные исследования позволяют утверждать, что отдельные лексико-семантические варианты многозначных слов, появившиеся в семантической структуре сельскохозяйственных словесных единиц в донаучные периоды (древнерусский и великорусский), во время формирования в России агрономии как научного направления (конец XVIII – XIX в.) перешли в разряд терминологических ЛСВ. Сказанное в полной мере соответствует существующему в отечественной лингвистике мнению о том, что именно процесс переноса названия общеизвестного понятия на специальное стал основным средством формирования терминологических номинаций различных отраслей знания в русском языке XVIII-XIX вв. [13, с. 6-7]. Как отмечается в специальных исследованиях по терминоведению, особенно ярко указанный процесс проявлялся при формировании терминосистем, восходящих к народной лексике, к числу которых принадлежит и сельскохозяйственная терминологическая система, тесно связанная с общепотребительными номинациями [11, с. 8].

Следует отметить, что отбор лексико-семантических вариантов для обозначения понятий сельскохозяйственной сферы в периоды формирования агрономии как науки (конец XVIII – XIX в.) осуществлялся по-разному (о становлении аграрной науки в России подробнее см. в нашей работе [7, с. 101-146]). С одной стороны, терминологическими становились первичные значения прототерминов. Так, например, слово *вилы*, имевшее в древнерусском языке ЛСВ «сельскохозяйственное орудие», «изображение на бортном знамени» [8, с. 46], в терминологических словарях русского языка XIX в. было зафиксировано в значении «ручные орудия, употребляемая иногда для обработки земли... а также при уборкѣ сѣна и другихъ растений» [2, с. 129; 12, т. 1, с. 1013]. Словесная единица *овин*, обозначавшая в языке великорусской народности «хозяйственную постройку» и «счетную единицу сжатых, но необмолоченных хлебов» [9, с. 449], в русском языке научного периода имело одно лексическое значение, отмеченное в специальных словарях. Ср.: *овины* – «помѣщенія (срубы) съ поломъ и обыкновенно съ потолкомъ, предназначаемыя для искусственной сушки снопового хлѣба и нагрѣваемыя... исключительно входящимъ въ нихъ дымомъ при помѣщеніи печи внѣ строения...» [2, с. 851].

С другой стороны, в терминологических словарях на этапе формирования агрономии нередко закреплялись значения сельскохозяйственных лексических единиц, появившиеся в семантической структуре исследуемых слов позднее. Например, лексема *соха*, которая только с XV столетия стала обозначать орудие пахоты [22, т. 2, с. 190], была зафиксирована в указанном значении в Иллюстрированном сельскохозяйственном словаре С. М. Богданова (1895 г.). Ср.: *соха* – «одно изъ самыхъ несовершенныхъ орудій для обработки земли, тѣмъ не менѣ весьма еще распространенное в Россіи, хотя и вытѣсняемое постепенно плугомъ» [2, с. 1249; 12, т. 9, с. 203]. В терминологических сельскохозяйственных словарях периода формирования агрономии как научного направления было отмечено развившееся в древнерусском языке вторичное значение слова *гумно* (ср.: «отдѣленіе усадьбы, предназначенное для складыванія снопового хлѣба и др. продуктовъ урожая») [2, с. 263; 16, вып. 4, с. 158].

Как показали проведенные исследования, в период развития агрономии была устранена полисемантность ряда лексических единиц, которая в донаучные периоды истории русского языка и российского сельского хозяйства была одной из ярких лексических особенностей слов сельскохозяйственной тематики. Так, например, лексема *сад*, которая в языке великорусской народности насчитывала пять лексических значений [16, вып. 23, с. 12], в терминологических словарях XIX столетия была зафиксирована только в одном значении: «угодье, занятое подь садовую культуру, – участок земли, засаженный стараниями человека деревьями, кустами, цветами, иногда сь отдѣланными дорожками, также различными украшениями» [2, с. 1165].

Некоторые слова, относящиеся к сельскохозяйственной сфере, в период формирования научных знаний приобретали новое семантическое наполнение. Например, лексическая единица *сѣмя* в языке великорусской народности номинировала только реалии, связанные с растениеводством [16, вып. 24, с. 60]. В иллюстрированном сельскохозяйственном словаре С. М. Богданова (1895 г.) слово *сѣмя* имеет два терминологических значения, одно из которых указывает на отнесенность данной лексической единицы к сфере растениеводства (ср.: «2. У растений сѣмя есть то образование, при помощи котораго приносящія сѣмена (сѣменные) растения (куда относятся почти все сельскохозяйственные культурныя) по преимуществу размножаются») [2, с. 1278], другое – к сфере животноводства [Там же, с. 1248].

Таким образом, семантические процессы, происходящие в лексике сельскохозяйственной сферы в древнерусский и великорусский периоды, в значительной степени повлияли на формирование русской агрономической терминологии. Специальные словесные единицы сельскохозяйственной сферы, появившиеся в донаучные периоды истории русского языка в результате процессов семантической деривации, получили словарную фиксацию в первых терминологических сельскохозяйственных словарях XIX – начала XX в. Для номинации какого-либо понятия аграрной сферы еще в XIX веке, как правило, выбиралось одно сельскохозяйственное значение, что вполне соответствует современным требованиям, предъявляемым к терминам, важнейшим из которых является однозначность (о признаках терминологической единицы подробнее см. в нашей работе [7, с. 22-25]).

В целом проведенные исследования позволяют утверждать, что отдельные аграрные термины, значения которых были сформированы в донаучные периоды, продолжают активно употребляться в современной сельскохозяйственной научной сфере (ср.: *сад* [14, с. 470], *семья* [Там же, с. 491], *поле* [Там же, с. 408] и др.). Некоторые слова, зафиксированные в терминологических сельскохозяйственных словарях XIX столетия, в современном языке агрономии не употребляются. Значения таких слов сохранились в русских территориальных диалектах, что объясняется народным происхождением многих терминов, употреблявшихся в агрономической науке в XIX столетии. Ср.: *гумно* – «3. Сарай для сушки хлеба. Перм. 4. Сарай для хранения хлеба вдали от построек, жилища. Сузд.» [15, вып. 7, с. 230-231]; *овин* – «1. Строение для сушки снопов, расположенное на уровне поверхности земли. Киров.» [Там же, вып. 22, с. 297] и др.

В заключение следует отметить, что древнее происхождение многих современных русских сельскохозяйственных терминов, значения которых зачастую формировались в донаучные периоды истории агрономии, свидетельствует о длительности формирования аграрной терминологической системы, её тесной связи с историей русского народа, русского языка и российского сельского хозяйства.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. 120 с.
2. Богданов С. М. Иллюстрированный сельскохозяйственный словарь: энцикл. сельского хозяйства. Киев, 1895. 1446 с.
3. Бурнашев В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: в 2-х т. СПб., 1843-1844. Т. 1-2.
4. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162-189.
5. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 303 с.
6. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 243 с.
7. Данышова Т. Н. Русская терминология растениеводства: история становления и современное состояние. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2010. 280 с.
8. Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 487 с.
9. Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства: конец XIII – начало XVI в. М. – Л.: Наука, 1965. 462 с.
10. Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря. М. – Л., 1936.
11. Нуржанова Д. К. Способы номинации в сельскохозяйственной терминологии: дисс. ... к. филол. н. М., 1981. 120 с.
12. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук: в 12-ти т. СПб.: Изд-во А. Ф. Девриена, 1900-1912. Т. 1-12.
13. Прохорова В. Н. Русская терминология: лексико-семантическое образование. М.: Филол. фак., 1996. 125 с.
14. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь / под ред. В. К. Месяц. М.: Сов. энцикл., 1989. 655 с.
15. Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук, ин-т лингвист. исслед. СПб., 1965-2007. Вып. 1-41.
16. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука, 1975-2008. Вып. 1-28.
17. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. М.: Знак, 2003. (Репринтное издание 1893 г.).
18. Тезаурус АСНТИсельхоз / под общ. ред. З. В. Лебедевой. М., 1990. 325 с.
19. Филин Ф. П. Исследования о лексике русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 207 с.
20. Филин Ф. П. О словарном составе языка великорусского народа // Вопросы языкознания. М., 1982. № 5. С. 18-28.
21. Филин Ф. П. Происхождение и развитие русского языка. Л., 1954. 47 с.

22. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. Изд-е 8-е. М.: Русский язык – Медиа, 2007. Т. 1-2.
23. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1956. 243 с.
24. **Этимологический словарь славянских языков:** праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974-2005. Вып. 1-32.

**SEMANTIC PROCESSES IN THE AGRICULTURAL VOCABULARY OF THE PRE-SCIENTIFIC PERIODS
OF AGRONOMY HISTORY AS ONE OF THE DEVELOPMENTAL TRENDS
OF RUSSIAN AGRICULTURAL TERMINOLOGY**

Dan'kova Tat'yana Nikolaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Voronezh State Agricultural University named after Emperor Peter the Great
t_dankova@mail.ru

The article analyzes one of the crucial processes of the formation of Russian agricultural terminology – the changes in the plane of content of the linguistic signs of agricultural subject area. The author examines the specifics of developing new agricultural meanings in the semantic structure of the lexical units used in the pre-scientific periods of Russian language history (Old Russian and Great Russian) and concludes that the agricultural lexico-semantic variants formed at the stage of agronomic science formation in Russia (end of the XVIII-XIX century) passed into the category of terminological meanings and acquired lexico-graphical fixation in the special agricultural dictionaries of the XIX – beginning of the XX century.

Key words and phrases: agricultural vocabulary; semantic structure; pro-term; pre-scientific periods; Old Russian period; Great Russian period.

УДК 81'23

Статья посвящена рассмотрению простого предложения как языковой проекции высказывания с имплицитными пропозициями на основе презумпции. Простые предложения с имплицитными пропозициями на основе презумпции вместе с эксплицитным денотативно-коммуникативным смыслом в своей семантической структуре содержат имплицитный презумпционный смысл, который восстанавливается за счет осуществления ряда логических операций. В статье анализируются основные способы выражения имплицитного презумпционного смысла в данных предложениях.

Ключевые слова и фразы: имплицитность; презумпция; языковая проекция; простое предложение; семантически емкий компонент.

Жарина Ольга Александровна, к. филол. н.
Борисенко Виктория Александровна, к. филол. н., доцент
Самофалова Марина Владимировна, к. филол. н.
Южный федеральный университет
undina79@list.ru; v-bor@ya.ru; ignatova.marina@inbox.ru

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЛИЦИТНЫХ ПРОПОЗИЦИЙ НА ОСНОВЕ ПРЕЗУМПЦИИ
В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)**

Отношения между единицами текста, выраженными эксплицитно и имплицитно, преломляются сквозь призму сознания отправителя и реципиента речи, осознаются ими, в результате чего наблюдается понимание смысла текста в полном объеме. Любая ситуация – сложное единство, состоящее из ряда более мелких пропозиций, связанных между собой логически и структурно. В процессе кодирования умственной ситуации языковыми средствами отправитель сообщения решает задачу о соотношении эксплицитно и имплицитно выраженной передаваемой информации. Соответственно, ряд пропозиций, описывающих данную ситуацию и представляющихся автору малозначимыми или легко восстанавливаемыми из содержания, не находят эксплицитного выражения в готовом тексте, редуцируются. Имплицитные пропозиции не мешают созданию смыслового единства, так как при необходимости имплицитное легко реконструировать. Имплицитная информация переплетается с эксплицитно выраженной и определяет смысл высказывания [6, с. 174]. Дискурс в естественном языке не всегда бывает эксплицитным. Многие пропозиции могут быть не выражены, так как говорящий считает, что они общеизвестны или же выведены им из эксплицитной информации. Таким образом, в готовом тексте выделяются предложения с редуцированными пропозициями на основе презумпции (логический аспект рассмотрения явления) и предложения с редуцированными пропозициями на основе пресуппозиции (экстралингвистический аспект). Языковыми проекциями таких высказываний являются простое предложение, сложное предложение разных типов (сложносочиненное и сложноподчиненное) и сложное синтаксическое целое [2, с. 85]. В данной статье мы рассмотрим простые предложения с редуцированными пропозициями на основе презумпции.

Предложения с редуцированными пропозициями на основе презумпции – контекстуально-неполные предложения, которые вместе с эксплицитным денотативно-коммуникативным смыслом в своей семантической